

СИСТЕМНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ МИГРАЦИИ

Буторин Г.Г.¹, Бенько Л.А.²

¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Челябинский государственный гуманитарно-педагогический университет» Министерства образования Российской Федерации, кафедра теоретической и прикладной психологии, г. Челябинск

²Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Челябинск

Полидисциплинарной группой специалистов было прослежено изменение структуры и психологического здоровья русскоязычных семей, которые оказались в условиях вынужденной миграции. Полученные результаты свидетельствуют о том, что до миграции в большинстве случаев можно было констатировать вполне приемлемые, адекватные условия и стиль воспитания, которые характеризовали семью как стабильную и благополучную. При этом нарушение социально-психологических условий и психологического здоровья семьи в результате миграции, фатальным образом повлияло на ее структуру и систему воспитания. Степень деформации во многом определялась прежней готовностью семьи к стрессу социальных изменений и качеством внутрисемейного взаимодействия.

Ключевые слова: адаптация, семейная система, модель семьи, психологическое здоровье семьи, миграция, стиль воспитания.

System changes in families at the migration conditions

Butorin G.G.¹, Benko L.A.²

Chelyabinsk State Humanitarian and Pedagogical University "

Southern-Ural state medical university, Chelyabinsk

The multidisciplinary group of experts tracked the change of structure and psychological health of Russian-speaking families which appeared in the conditions of the compelled migration. The received results testify that before migration in the most cases it was possible to state quite acceptable, adequate conditions and style of education which characterized a family as stable and safe. Thus as the result of migration violation of social and psychological conditions and psychological health of a family, a fatally affected its structure and an educational system. The deformation degree was defined by former readiness of a family for a stress of social changes and quality of intra family interaction.

Keywords: adaptation, family system, family model, psychological health of a family, migration, style of education.

Вопросы социально-психологической адаптации стоят сегодня достаточно остро. Россия, на сегодняшний момент занимающая второе место по числу мигрантов (после США), пока не сформировала объективных социально-экономических условий для их полноценного приема. Послеперестроечная либерализация и демократизация общества, процессы обособления и самоопределения в бывших советских республиках вызвали к жизни новые, непривычные виды миграционных процессов [1, 2].

Начиная с 1992 года, по разным причинам (национальная дискриминация, политические и, особенно в последние годы, экономические причины) в Россию из различных регионов постсоветского пространства переселилось более 7 млн. человек, нуждающихся в полноценном жилье, новых рабочих местах, социальных льготах, образовании и т.д. [3]. При этом надо понимать, что адаптация - процесс двусторонний, и эффективность этого процесса зависит, в том числе, и от образа той социальной среды, к которой адаптируется индивид [4, 5].

Цель работы – полидисциплинарной группой специалистов проследить изменение структуры и психологического здоровья русскоязычных семей, которые оказались в условиях вынужденной миграции.

Материалы и методы исследования

Полидисциплинарной группой специалистов, в которой участвовали педиатры, детские неврологи и психиатры, школьные психологи, логопеды, дефектологи, а также специалисты по социальной работе была изучена динамика психологического здоровья 121 семьи русскоязычных мигрантов из бывших советских республик, главным образом из Средней Азии и Казахстана в условиях миграции. В процессе работы в группу изучения добавились семьи беженцев из юго-восточных областей Украины, которые по своим параметрам не нарушали репрезентативность выборки.

Результаты исследования и их обсуждение

Оценивая ретроспективно все позитивные психологические отношения родителей к детям в этих семьях, составивших 87,7% от общего числа, нами условно были выделены несколько их моделей.

В первой модели отношения характеризовались гибким, поддерживающим и «разумно позволяющим» поведением родителей, когда они легко и «особо не задумываясь над этим» приспосабливались к потребностям ребёнка. Такая семья для детей была тем местом, где они находили любовь, понимание и поддержку, чувствовали себя защищёнными и могли искать новые пути для «исследования и

развития». Родители были последовательны в своих требованиях, а в воспитательных приёмах практически отсутствовали элементы давления и принудительного форсирования опережающих навыков у детей. Стабильность отношений, которую семья сохраняла при различных неблагоприятных воздействиях, и сформированная семейная идентичность, позволяла детям чувствовать её единство и целостность, когда отпадает необходимость противопоставления «Я» ребенка и «Мы» семьи. Формирующиеся в этих условиях характерологические особенности детей соответствовали больше пониманию их как стеничных, самостоятельных, инициативных, с высоким уровнем адаптационных возможностей [6, 7]. Такой характер отношений и воспитательных подходов был выявлен в 29,8% случаев и позволил определить данную модель как «функционально–самодостаточную».

Вторая модель также подразумевала вполне успешную адаптацию родительского поведения к потребностям ребёнка, но уже сопровождавшуюся определённым осознанным контролем, когда для достижения «включённости в проблемы детей» необходимо было старание для того, чтобы вникнуть в его переживания. Не всегда успешная реализация такого стремления вносила во внутрисемейную коммуникацию некоторое напряжение и недостаток спонтанности, непосредственности. Избыточное опекуновство родителей выражалось в категоричности их позиций, требований, в тенденциях навязать своё мнение и готовые решения, а заведённые в доме порядки и правила подлежали неукоснительному выполнению. Стремление к строгой дисциплине определяли характерологические особенности детей — они были общительны, с потенциальными лидерскими способностями, но при этом обнаруживали присутствие эмоциональной неустойчивости, не влияющей, однако на формирование адаптационных механизмов. Данные отношения и система воспитания были выявлены у 21,9% семей, которые более всего соответствовали определению «функционально-ригористической» (лат. *Rigor* – строгость, соблюдение правил нравственности, предписание) модели.

В третьей модели (20,3%) родительское внимание к проблемам детей было несколько ограниченным. Основу их заботы составляло больше заострённое чувство долга, обязанности, повышенной принципиальности (гиперсоциальность), что характеризовало определённую «заданность» в отношениях с детьми. В определённых ситуациях родители демонстрировали амбивалентность отношений и их разноплановость. Система запретов и поощрений существовала, но была часто

противоречивой. Идентичность данных семей характеризовалась существенным противопоставлением «Я» и «Мы», что значительно снижало их стабильность и способность противостоять дестабилизирующим воздействиям, в которых решения, принимаемые родителями, часто носили противоречивый характер.

Таким образом, интегральные характеристики, отражающие качественную сторону социального и психолого-педагогического функционирования семей данной модели, дали основание обозначить её как «*функционально-конформистскую*» (лат. *Conformism* – подобный, соответствующий, стремление к единомыслию).

В четвертой модели (15,7%) поведение родителей не всегда носило последовательный характер. Родители в таких семьях стремились направлять развитие ребёнка в соответствии с собственными представлениями в ущерб его реальным потребностям. Чрезмерный контроль объяснялся постоянной тревогой по поводу возможных опасностей, неудач, от которых следовало оградить ребёнка. В таких семьях обнаруживалась склонность к проявлению индивидуализма, что затрудняло выделение в ней явного лидера. Отдых и развлечения чаще ограничивались семейным кругом (семьей ходили в кино, театр и т.д.). Необходимость расширения социальных контактов могла сопровождаться социально-психологическим напряжением. В атмосфере такого внутрисемейного функционирования у детей формировались астеничные черты личности. Им были присущи беспокойный сон, плохой аппетит, повышенная тревожность и сенситивность, что снижало их психическую адаптивность и стрессоустойчивость в психогенных условиях. Такие обобщённые показатели как сниженная толерантность к социальным изменениям, ограниченный и ригидный характер социально-психологического функционирования, подверженность деструктивным воздействиям и т.д. позволяли рассматривать данную модель как «*функционально-реверсивную*» (лат. *Reverses* – обратный, здесь: у которых можно изменять направление).

Если первую модель можно было рассматривать как создающую достаточно здоровые отношения в семье и гармоничный стиль воспитания, то в трех других прослеживались некоторые отрицательные акценты, характер которых создавал потенциальный риск нарушений психологического здоровья семьи в неблагоприятных условиях. Вместе с тем в прочных стабильных социальных условиях, в которых дети чувствовали себя комфортно, а родители были уверены в социальной защищённости, семьи этих трех моделей демонстрировали полную социальную адаптированность.

Акцентуированные семьи с полным основанием могли рассматриваться в рамках нормы. Таким образом, учитывая проанализированный выше комплекс социально-психологических характеристик, первая модель образует тип семей, который можно обозначить как «*благополучный — психологически устойчивый*», соответственно следующие три образуют «*относительно благополучный — акцентуированный*» тип.

Как свидетельствует проведенное исследование, постепенное падение уровня жизни, отсутствие или несовершенство национального законодательства в области защиты основных прав и свобод граждан в тех странах, где проживали изученные семьи, создавали возможность дискриминации по признаку национальности, вероисповедания, языка. Это в значительной мере способствовало принятию решения о вынужденном переселении. При этом, в 38 наблюдениях (65,5%) семьи принимали решение взвешенно, по возможности заранее, подготовив условия на новом месте жительства (работа, жилье и т.д.). Более того, 12 семей (20,7%) были приняты близкими родственниками, которые оказали им временную поддержку. Другие 20 семей (34,5%) были вынуждены покинуть дом в ограниченные сроки, продав имущество по заниженным ценам и не имея ясной перспективы жизни на новом месте. Во всех случаях все семьи в тот момент попадали в более или менее выраженную ситуацию социально-психологического кризиса.

Как представляется, характеристика таких семей ближе всего стояла к пониманию их как *деструктивных* (лат. *Destruction* – разрушение, нарушение нормальной структуры чего-либо) (25,9%). Эту группу, как правило, составляли семьи, которые трансформировались из функционально-реверсивных и функционально-ригористических моделей, а также и прежде бывших неблагополучными.

Другая модель аномального семейного положения сопровождалась существенными изменениями непосредственно структуры семьи. В этих случаях родители не сумели совместно преодолеть многообразие трудностей. Они лишались способностей слушать друг друга и адекватно реагировать на взаимные просьбы и желания. Чаще всего это было следствием высокого уровня эмоционального напряжения, раздражения друг к другу, что разрушало взаимные контакты и достаточно быстро приводило к разрыву. Наблюдался и другой характер аномальности, когда детей при переезде на длительное время оставляли у бабушек и дедушек «пока все не устроится». Этот прием чаще использовался в неполных семьях одинокой матерью. Он оказывался малоперспективным, так как дети надолго выпадали из-под родительского контроля.

После стабилизации жизненной ситуации, возвращенные в семью дети оказывались либо в неполной семье, либо с появившимся отчимом. Лишившись прародительского внимания, заботы и определенной системы воспитания, ребёнок мог столкнуться либо с условиями отвержения, либо с завышенными требованиями. В рамках подобных трансформаций семейной атмосферы находились чаще всего, разведенные и разводящиеся семьи, неполные, семьи с деформированной структурой. Они достаточно обосновано определялись как «диссоциированные» (лат. *Dissociation* – разъединение, разделение) (27,6%). В этой группе аномальной структуры чаще можно было наблюдать семьи как уже бывшие неблагополучными, так и функционально-ригористические и функционально-конформистские ранее.

К самостоятельной модели были отнесены семьи, в которых тягостный переходный период сопровождался высоким напряжением всех семейных функций. Тяжелому испытанию подвергалось семейное взаимодействие. При этом дети попадали в конфликт между ценностями семьи и новыми социальными требованиями и установками. Эмоциональная напряженность воспитательной функции приводила к эмоциональному ущемлению детей. Эти семьи можно было определить как «декомпенсированные» (30,2%), которые в основном оказались, представлены в прошлом функционально–самодостаточными и функционально-ригористическими.

Успешнее всего проходили миграционный период и стабилизацию жизнедеятельности семьи функционально-самодостаточной модели. Они увереннее справлялись с возникающими проблемами, что было типично для любой семьи, столкнувшейся с переменами и переживаниями, которые приносила в жизнь миграция (16,3%).

Выводы

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что нарушение социально-психологических условий и психологического здоровья семьи в результате миграции, может фатальным образом повлиять на ее структуру и систему воспитания. При этом степень деформации будет во многом определяться прежней готовностью семьи к стрессу социальных изменений и качеством внутрисемейного взаимодействия.

Список литературы

1. Буторин Г.Г. Школьная дезадаптация и «педагогическая запущенность»: взгляд с полипрофессиональных позиций // Психолого-педагогические проблемы этической психологии: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, Шадринск, 8-10

апреля, 2003. — С. 113.

2. Буторин Г.Г., Буторина Н.Е. Донозологические психические состояния депривационного генеза в детском возрасте. – Челябинск: Изд-во АТОКСО, 2007. – 366 с.
3. Выступление директора ФМС России О.К. Ромодановского // Итоги деятельности ФМС России в 2011 г. Сб. материалов расширенного заседания Коллегии Федеральной миграционной службы. М., 2012. С. 18.
4. Балл Г.А. Понятие адаптации и его значение для психологии личности // Вопросы психологии. — 1989. — № 1. — С. 92–100.
5. Дмитриева Т.Б., Иммерман К.Л., Мухамадиев Д.М. О факторах социально–психологической дезадаптации беженцев в местах их временного пребывания // Рос. Психиатр. журн. — 2000. — № 6. — С. 53–56.
6. Буянов М.И. Ребенок из неблагополучной семьи. — М.: Просвещение, 1988. — 207 с.
7. Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений: Курс лекций. — М.: Апрель–Пресс, Изд-во ЭКСМО–Пресс, 2000. — 512 с.

Буторин Геннадий Геннадьевич - д.псих.н., профессор кафедры теоретической и прикладной психологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Челябинский гуманитарно-государственный педагогический университет», г. Челябинск, пр. Ленина, 69, тел. 8(351)2401828, e-mail: g1966@mail.ru